

Социально-экономическая география

Пермская ментальность: проблемы изучения и идентификации

В.М. Волынкина, В.А. Столбов

В самом широком смысле менталитет – это не только самоидентификация, т. е. отнесение человеком себя к той или иной национальности, общественному слою, профессии, полу, возрасту, но и определенные знания о своей принадлежности, а именно о культуре, языке и территории проживания, историческом прошлом и господствующих стереотипах поведения. Все это этнопсихологи называют образом «Мы». Эти представления всегда эмоционально окрашены, к ним вырабатывается определенное отношение, способное стимулировать или сдерживать поступки людей.

В более узком смысле менталитет – это способ отношения человека к миру, реагирования на него, характеризуемый определенным исторически сложившимся отношением к труду, частной собственности, семье, политике, праву, проблеме жизни и смерти и т. д. [1]. Таким образом, *менталитет* – это устойчивый способ мировосприятия, обуславливающий форму регулирования на различные социальные раздражители.

Менталитет исторически формируется и вырабатывается в каждый конкретный отрезок времени. В итоге он представляет собой совокупность детерминируемых социально-психологических качеств и черт, сумму поведенческих реакций, выступающих как определенная целостность всех сторон жизнедеятельности данной человеческой общности, проявляющихся во всех сторонах деятельности данной человеческой общности и составляющая важнейшую часть ее индивидов. По мнению А. П. Бутенко и Ю. В. Колисниченко, менталитет – это записанный в материальных основах психики определенный поведенческий код, детерминирующий устойчивое социально-психологическое состояние субъекта (человека, социума, народа, нации). Он представляет собой органическую целостность социально-психологических качеств и черт, присущих именно этому народу, этой общности и составляющим ее гражданам, которая обуславливает именно такую, а не иную реакцию субъекта на изменение окружающих условий [2].

Характерными чертами индивидуального менталитета являются, во-первых, слабая рефлектируемость, нефиксируемость индивидуального сознания на процессе проявлений автостереотипов мышления и поведения; во-вторых, высокая устойчивость, неподатливость грубым идеологизированным воздействиям, направленным на его приспособление, подгонку под какие-либо этатические модели. Консерватизм и инерционность, присущие менталитету, однако, не делают его структурой ригидной и косной. Нельзя рассматривать его только как атавизм, свод стереотипов поведения, региональных или национальных черт, правил, привычек и традиций, тормозящий процессы модернизации и либерализации общества, а потому обреченный на ломку или, по крайней мере, коррекцию просвещенными правителями. На самом деле менталитет – некий субстрат, катализирующая среда, способная как ускорять, так и замедлять (вплоть до полной остановки в случае неприятия) ход общественных процессов.

В последнее время особенные черты русского национального характера часто (а порой и спекулятивно) становятся отправным пунктом в объяснении своеобразия истории России, ее политического, экономического и культурного развития. Так, мэтр Москвы в статье, опубликованной в журнале «Вопросы экономики», видит основную причину неудачи экономических реформ в недоучете специфики российского менталитета [3]. Несомненно, что проведение социально-экономических реформ существенно осложняется, если их реализация ведется без учета специфики стержневых ментальных структур и ориентируется на инокультурные образцы. Однако недопустима и абсолютизация этого положения, тем более, что российская ментальность не представляет собой однородного монолита, а состоит из крепко сцементированных качественно различных региональных «зерен».

Исследование эволюции территориальных общностей людей (социумов) предполагает осознание механизма их формирования, учет факторов, определяющих направление и скорость процессов деформации, целенаправленное воздействие как необходимую предпосылку итоговой оптимизации. Не вызывает сомнений положение о влиянии параметров внешней среды на тенденции социумогенеза. Коренное отличие социума от других общественных коллективов заключается в его территориальной конкретности, пространственной определенности и обусловленности. Связи и взаимоотношения членов социума детерминируются, прежде всего, территориальным единством, совместным проживанием в границах конкретной территории, что определяет своеобразие обстановки и уникальность ситуации, складывающейся в регионе. В рамках социума замыкается цикл демографических процессов, осуществляются суточные, сезонные, годовые и многолетние ритмы жизни людей. Фактически пространство социума, его поле представляют собой результат наложения и пересечения ареалов деятельности отдельных его членов. Следствием этих взаимодействий является формирование качественно обособленного характера жизнедеятельности – регионального типа образа жизни, отражающего менталитет местного населения.

Можно выделить несколько уровней взаимодействия членов социума с окружающей средой. Каждый из этих уровней отличается определенным набором параметров среды, оказывающих решающее влияние на формирование региональных черт образа жизни.

Физиологический уровень отражает результаты адаптации населения к природно-климатическим и социально-экономическим условиям территории. Это касается, прежде всего, соматических характеристик (строение и пропорции тела, длина конечностей, объем грудной клетки, поверхность тела и т. д.), физических особенностей (минерализация скелета, уровень холестерина в крови и т. д.), процессов метаболизма (структура питания, интенсивность кислородных трат, уровень теплопродукции и т. д.) [4]. Неполная адаптация проявляется в виде природно-очаговых и социально обусловленных заболеваний.

Социальный срез ментальности детерминируется, в первую очередь, совокупностью разнообразных общественных отношений, сложившихся в регионе. Прежде всего, это отношения в производственной и бытовой сферах; а также моральные, нравственные, религиозные, этические нормы, присущие социуму; и, кроме того, общественно-политическая деятельность, духовный мир, психологические особенности отношения к окружающему миру, которые часто рассматривают как самостоятельный аспект ментальности. Социальные стороны жизнедеятельности населения в регионе зависят от установок, господствующих в обществе, и представляют собой инвариантный аспект общегосударственной системы. Вариативность этих отношений лишь в незначительной степени связана со спецификой природной среды. Последняя существенно искажается более поздними наслоениями исторических, этнических, экономических, политиче-

ских, конфессиональных и прочих факторов. Именно социальные черты ментальности чаще всего становятся основой формирования имиджа территории, способствуя созданию то образа труженика – «опорного края державы», а то глухого «медвежьего угла».

Эколого-культурный аспект ментальности приобретает особую остроту и актуальность в контексте нарастающей глобализации и регионализации экологических проблем. При этом изучение эколого-культурной составляющей менталитета позволяет не только осуществить параметризацию антропогенных ландшафтов, но и вскрыть механизм их формирования, анализируя географические различия в технологиях природопользования. Знание преобладающих способов взаимодействия социума с окружающей средой дает возможность осуществлять наиболее эффективные меры по обеспечению его экологической защищенности. Специфический набор технологий деятельности формирует особый тип сложных геосистем – геоэтнокультурные системы, локализованные в пределах определенного ареала и формируемые взаимодействием этнических общностей, антропогенезированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования [5].

Духовно-психологический уровень складывается под влиянием самых разнородных факторов, хотя в целом просматривается тенденция снижения роли природных условий и роста воздействия производственно-технических и социальных параметров среды. Психологические черты менталитета, духовные качества регионального характера (самые тонкие свойства национальной или региональной души) формируются на протяжении длительного исторического периода как результат внутренних взаимодействий, постоянных контактов с другими социумами и этническими группами, природно-климатическими условиями территории. Они последовательно эволюционируют в соответствии со сменой производственной специализации региона и его социальной ролью – участием в общественном разделении труда, а иногда и целенаправленно возвращаются под воздействием внешних сил (политических, экономических, религиозных, национальных и пр.).

Вербально-лингвистический уровень. Исторический процесс освоения территории, пути расселения русских на Западном Урале, их культура, верования, промыслы и занятия, связи с соседями нашли отражение в особенностях языка жителей Прикамья: его составе, собственных именах, географических названиях. Именно этим занимается особая отрасль языкознания – лингвистическое краеведение.

Основными источниками информации для изучения истории формирования пермского говора являются современные говоры и письменные памятники, начиная от древнерусских летописей и кончая собственно пермскими деловыми текстами XVI-XVII вв. Летописи дают некоторые сведения о проникновении русских в пермские края в XI-XV вв., собственно пермские документы (начиная с XVI в.) являются основным материалом для изучения раннего расселения русских в Прикамье. Они фиксируют большое количество диалектных слов, которые дают возможность сопоставлять ранние пермские говоры с непермскими и устанавливать их происхождение. На сегодня объем этих рукописных документов, находящихся в различных хранилищах, составляет многие тысячи страниц. В качестве материала для исследований используются и многочисленные публикации пермских актов XVI-XVIII вв. в различных изданиях. Общий объем таких текстов – более тысячи печатных страниц.

Учеными исследованы документы различных жанров. Часть их отражает *административную переписку* – например, челобитные, отписки, часть – *переписи населения* – писцовые, переписные книги. Ряд документов связан с *организацией местного управления* – расписки, подорожные, мирские приговоры. Но большая часть документов посвящена *имущественным вопросам* – это купчие, отводные, заемные, закладные, ду-

ховные, дарственные, таможенные записи, *судебным делам* – изветы, допросы, досмотры, обыски, приводы, мировые.

Документы написаны разными лицами. Прежде всего это тексты, составленные местными площадными подьячими, писчими дьячками. Их семьи проживали на Пермской земле многие десятилетия и неудивительно, что в составленных ими документах обнаруживаются местные диалектные черты.

Вместе с тем часть документов составлена или отредактирована приезжими писцами: расспросные речи местных жителей об окрестностях, отписки воевод, писцовые и переписные книги. Делопроизводство в России в то время было централизованным, дьяки, писцы, дозорщики назначались Москвой и не были постоянными жителями одной провинции. Они редактировали значительную часть документов, отправляемых из Прикамья в Москву и другие города. Благодаря им на территории всей России поддерживались традиции делового языка – одной из функциональных разновидностей русского литературного языка, его народно-литературного типа. Изучение этих документов показывает, какую лексику писцы из центра воспринимали как местную, характерную только для живой речи, для пермских говоров, и старались заменить общерусской, принятой в деловом языке XVII в. Таким являлось, например, слово *лог*, которое в писцовых книгах сохранялось в названиях деревень, возникших на основе лексики говоров – деревня *Дикий Лог*, но как слово нарицательное заменялось писцами из центра принятым в деловой лексике синонимом *враг* (овраг). Точно так же писцы поступали с обычным в северных пермских говорах словом *родник*, которое они заменяли привычным для них синонимом *ключ*. Такое редактирование дает возможность выявлять лексику живой речи, то есть характерную для складывающихся говоров.

Лингвистические исследования современных пермских говоров позволяют сопоставить их с непермскими и выявить наиболее близкие к ним. В частности, можно ставить вопрос о генетической связи с говорами Поморья, Вологды, Вятки.

Исторические и лингвистические источники дополняются этнографическими исследованиями материальной и духовной культуры жителей Прикамья в различные эпохи. Этнографами отмечается сходство многих деталей быта, а также называющей их лексики Прикамья и Поморья. Так, рассматривая особенности копыльных прялок северных – Чердынского и Соликамского – уездов Прикамья, можно обнаружить абсолютное сходство их формы и украшений с двинскими, мезенскими и пинежскими прялками, а также совпадение в названии их на Среднем Урале и в Архангельской и Вологодской губерниях *пресницами*, *прясницами* и *прешницами*.

Важен для лингвистов и общий вывод этнографов о том, что население Среднего Урала использует в быту северно-русскую терминологию, а также о том, что много общего у русских с коми-пермяками, манси и совсем мало заимствовано в быту у башкир и татар.

Представляют интерес и многочисленные топонимы географического происхождения, зафиксированные в списках населенных мест, которые периодически составлялись в России. Названия сел и деревень (Мезенцы, Каргополова, Колмогорова, Таборцы, Сюзьвяки, Москвина, Москвята, Тверетинова, Балахонцы) подсказывают откуда в них могли появиться первопоселенцы: с рек Мезени и Сюзьвы, из Каргопола, Табор, Москвы, Твери, Балахны.

Судя по летописям, русские начинают проникать на Урал в XI в. В 1092 г. новгородцем Гюрятой Роговичем, одним из бояр или крупных купцов, был организован поход на Печору и Югру, т. е. в места, где проживали предки современных манси. Походы новгородцев на Урал предпринимались и в XII в. Их привлекали эти места, богатые пушниной, мехами. Русское оседлое население появилось в Верхнем Прикамье только в XIV-XV вв.

Есть и данные ономастики, свидетельствующие о проникновении в Прикамье новгородцев. Вблизи современного города Красновишерска расположена гора Полюд, название которой возникло от имени, распространенного только в Новгороде.

Активное заселение Перми Великой, Соли Камской и переселение вниз по Каме вплоть до современного города Оса началось в XVI-XVII вв. Именно этот период становится временем возникновения старожильческих говоров на Западном Урале. Однако большие размеры осваиваемой территории и различные условия заселения отдельных районов привели к тому, что в пермских говорах разных регионов обнаруживаются различия, складывается множество говоров.

Заселялась Пермь Великая, как свидетельствует ономастика писцовых книг, из Поморья, т. е. жителями Двины, Мезени, Пинеги, Виляди, Вычегды, Печоры, Вологды и Вятки, где уже сложились в своей основе северно-русские говоры, генетически связанные с новгородскими.

Земли Перми Великой в период их освоения русскими частично были заселены коми-пермяками. Прибывшие селились обычно на свободных землях, но входили в контакт с коми-пермяками, усваивали их топонимию. Создавались смешанные браки, дети в которых усваивали фонетические и другие особенности языка коми. Немало коми-пермяцких слов присутствует среди географических терминов и имен собственных.

Северно-русское население в основном обживало и те пункты, которые расположены на территории современного города Пермь. Так, в селе Верхне-Муллинском и окружающих деревнях по переписи числятся двиняне, мезенцы, вычегжане, вологжане, лузяне, вятчи. Таким образом, основа говора северно-русская, но он возникает в результате смешения непермских и уже развивающихся пермских говоров при некотором влиянии выходцев из других мест.

Все это в совокупности и определило ту картину существования пермских говоров, какую диалектологи наблюдают последние полвека.

Отличительные особенности образа жизни населения Прикамья объясняются уникальным географическим положением территории, суровостью и даже экстремальностью климата, разнообразием и контрастностью ландшафтов, богатством природных ресурсов, продолжительной, насыщенной событиями историей заселения и освоения края, длительным и многогранным взаимодействием самобытных культур, этносов и конфессий, участием территории в географическом разделении труда, специализацией в рамках хозяйственного комплекса страны, культурным, образовательным, квалификационным уровнем населения, низкой инфраструктурной обустроенностью территории и прочими факторами. Под длительным воздействием такого конгломерата разноплановых и разнородных причин у жителей сложился уникальный (в плане отличий от соседних регионов), во многом противоречивый образ жизни, воплотившийся в особенностях поведения и специфических чертах по-русски загадочной пермяцкой души. По мнению Д. Н. Мамина-Сибиряка, «немного найдется таких уголков на Руси, где... в такой величайшей панораме... картины гор, равнин и скал, где... население, образ его жизни, историческое прошлое, нравы, условия труда — все было преисполнено такой оригинальности и своеобразной поэзии» [7].

Отражением менталитета народа, его психологии несомненно является *антропологический облик*, который формировался под влиянием многих факторов (в первую очередь расовых и этнических), в том числе и природных условий. На протяжении длительного исторического периода территория Прикамья, находящаяся на границе Европы и Азии, гор Урала и равнин, перекрывающая единственный удобный транспортный коридор в горной цепи, представляла собой контактную зону взаимодействия трех культур, каждая из которых в силу длительности существования в регионе вполне может претендовать на роль коренной. Это культура «истинных» аборигенов – финно-

угорских народов, для которых Средний и Северный Урал является этнической родиной (считается, что именно их предки впервые появились в регионе 75 тыс. лет назад), культура кочевых тюркских народов (башкир, а позднее и татар), чьи племена периодически заходили на территорию Прикамья задолго до русских, и культура северорусского субэтноса – поморов и новгородцев. Первые сведения о проникновении славян в край относятся к X-XI вв., а интенсивное освоение Перми Великой начинается в конце XV в.

Современный облик значительной части пермяков близок к антропологическим характеристикам так называемых Волго-Камского и Приуральского комплексов. Для этих комплексов наиболее характерны низкий рост, слабый рост бороды, относительно темная пигментация кожи, невысокое, несколько уплощенное лицо, средневыступающий нос с вогнутой спинкой. В Приуральском комплексе все перечисленные черты заметно усилены. По своим морфологическим особенностям оба эти комплекса занимают промежуточное положение между европейской и азиатской расами. Черты их присущи многим народам Поволжья и Приуралья – чувашам, марийцам, удмуртам, коми-пермякам, некоторым группам татар Предуралья и Поволжья [8].

Природно-климатические особенности региона, геохимия и структура ландшафтов, а также интенсивное (и не всегда оправданное) освоение природных ресурсов обусловили широкое распространение в Прикамье ряда природно-очаговых заболеваний: нарушение функций щитовидной железы, кариес, мочекаменная болезнь, дифиллоботриоз, описторхоз, клещевой энцефалит, болезнь Лайма и др.

Хотя по величине территории Пермская область далеко не самый крупный субъект федерации – около 1 % площади всей страны, но на этой территории могли бы разместиться вместе взятые Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Дания и Швейцария. Область расположена на стыке Восточно-Европейской равнины и Уральских гор. Отсюда разнообразие ландшафтов, разнородность и масштабность природных ресурсов, и, прежде всего, полезных ископаемых: калийные соли Верхнекамского месторождения (около 30 % мировых запасов), нефть и газ, уникальный глинистый минерал зеленой краски – волконскоит (безумно ценимый таким знаменитым художником, как Пикассо), поделочный гипс чудного лунного цвета – селенит, изумрудно-зеленый гранат – уваровит, мрамор и габбро-диабазы, цитрин и горный хрусталь, медистые песчаники, хромиты, стронциевые руды, золото, платина, алмазы...

Богатство и разнообразие природных ресурсов, чередование естественных ландшафтов определили специализацию района и занятия пермяков. Край изначально осваивался как индустриальная база державы, вся его жизнь подчинялась интересам страны. Здесь возникли первые предприятия, определившие в дальнейшем производственный профиль всего уральского региона (например, первое в России предприятие цветной металлургии – Пыскорский медеплавильный завод [9]). Подобные обстоятельства серьезно повлияли на менталитет жителей, сформировав у них такие черты характера, как работоспособность, трудолюбие и творчество, и «наградив» бесхозяйственностью и потребительским отношением к природным ресурсам. По мнению большинства жителей, это «даровые блага», право на присвоение которых не только является значимым источником средств существования, но и неотъемлемой частью всего образа жизни. Непременным атрибутом образа жизни пермяков являются пассивность и консерватизм (проявляющиеся самым широким образом – от неременной оглядки в своей деятельности на Москву до почти полного отсутствия авторитетных общественных, в том числе и «зеленых», организаций), нежелание рисковать, отсутствие «жилки» предпринимательства и т. д.

Регион богат водными ресурсами, что повлияло на поэтичность и лиризм пермяков. Интересно, что многие пермские поэты и писатели отводят огромную роль в своем

творчестве рекам: Каме, Чусовой, Сылве и др. М. Осоргин сказал: «Река должна быть в каждой биографии, без нее серо детство и неблагословенна молодость, старость наступает раньше и еще раньше мысль становится сухой и несвободной. Только большая река дает понятие о настоящей свободе и просторе». Красота пермской природы была воспета такими писателями и поэтами, как В. П. Астафьев, который написал рассказ «Васюткино озеро», В. Каменским, Ф. Решетниковым, Б. Ширшовым, А. Домниным и др.

Лес – одно из главных богатств Прикамья. Отношение человека к труду вырабатывалось в упорной борьбе за освоение новых земель. «С бесконечным дремучим лесом. Именно в той борьбе с лесом складывался его трудовой характер», – так пишет Платонов в своей работе «Русский труд» [10].

Пермская область, расположенная на стыке двух частей света – Европы и Азии, вобрала в себя черты обоих субматериков, способов производства, цивилизаций... и может служить иллюстрацией к концепции евразийства. С гордостью подчеркивая свое европейское положение мы не должны забывать и об азиатских корнях, неоднократно дававших густую «поросль» на гостеприимных землях Пармы и наложивших свой отпечаток (как уже отмечалось раньше) даже на внешний облик пермяков. Во втором томе «Дальнейших приключений Робинзона Крузо» Д. Дефо пишет о том, как его герой возвращается из Индии и проезжает через Соликамск: «Наконец, перебравшись через Каму, которая в этих местах служит границей между Европой и Азией, мы вступили в Европу. Мы думали увидеть здесь другой народ, другие обычаи, другую одежду, другую религию, но мы ошиблись». Уникальная черта в менталитете пермяков – это то, что они вобрали в себя черты и азиатов (ловкость и хитрость), и европейцев (стремление к познанию наук и рационализм).

Огромное влияние на менталитет пермяков (как и на российский) оказал суровый умеренно-континентальный климат с продолжительной зимой и непродолжительным летом (теплый период – со среднесуточной температурой выше 0°C – варьируется по области в пределах 55-48 % календарного года). Вообще Пермь считается самым холодным городом-миллионером на земном шаре. Средняя температура января в Перми составляет -16° (минимальная -48°), средняя температура июля - +18° (максимальная - +38°). Пермяки с грустью смеются: «В начале июня еще не лето, а в конце августа – уже не лето». Преобладание в течение года низких температур повлияло на темперамент, а холодные зимы способствовали развитию пьянства. Пермяки довольно медлительны и меланхоличны.

«Люди, ежедневно делающие титаническую работу по выживанию, не привыкли высоко оценивать свой труд. Ходившие зимой под дамокловым мечом голодной и холодной гибели, наши предки не привыкли высоко ценить и самую свою жизнь», – так писал С. Рогачев в своей статье «Жизнь в углу» [11].

Природа заставила пермяков довольствоваться малым, быть терпеливыми. Но «еще большее значение имело то, что им приходилось вести упорную борьбу с природой в суровой стране, и они вынуждены были издавна, наряду с земледелием, заниматься и всякого рода ремеслами. Этим объясняется практическая направленность их ума..., их ловкость», – так писал А. Геттнер в своей статье «Европейская Россия». Это свойство характера только усилилось и закрепилось в дальнейшем – на горнозаводском этапе эволюции хозяйства региона.

Суровость климата нашла свое проявление в стихийности и безудержности характера, силе воли, упорстве в борьбе за жизнь и достижении цели, коллективизме и гостеприимстве. Природа часто обманывает ожидания людей, и поэтому им приходится «...противопоставлять капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» [12]. Эта черта присуща

как русским в целом, так и в частности пермякам. Одним из неистребимых качеств жителей Прикамья остается *доверчивость*, подкрепленная *верой в чудо*. По числу жертв финансовых пирамид область занимала 8-9-е место среди субъектов РФ. Из 1,5 млн. обманутых вкладчиков «РДС» оказалось 23 тыс. пермяков.

Все россияне способны работать напряженно, так как за короткое летнее время нужно сделать много дел, зато продолжительным было осеннее и зимнее безделье, что способствовало возникновению «русской лени».

И все-таки пермякам более свойственно трудолюбие. Трудовой характер был непременным атрибутом социологизации детей в семье. Он целенаправленно культивировался жизненными установками, созданием и поддержанием в сознании всех ее членов образа идеального трудолюбивого предка. Отсюда неискоренимое чувство связи с предками, «...преклонение перед традициями и стариной» [13]. Идеал трудовой жизни воплотился в профессиональных династиях (вследствие длительного идеологического воздействия, преимущественно (рабочих) и семейных традициях.

Жизнь на перекрестке миграционных путей, длительное существование бок о бок представителей множества народов и конфессий приучили к *веротерпимости, уважению соседей, взаимопомощи и взаимовыручке*.

Коренные народы территории были язычниками, которые поклонялись идолам (отсюда своеобразное искусство – Пермский звериный стиль, представленное медно-бронзовой пластикой). Он зародился в I тысячелетии до н. э. и известен под названием «Древности камской чуди» или «Чудские древности». Это украшения одежды, оружия, бытовых предметов с изображением птиц, лосей, медведей, фантастических существ. Использовались эти фигурки и жрецами-шаманами для отправления религиозных обрядов. Сегодня коллекция древнего искусства Прикамья составляет особую гордость края.

Другая часть культурного наследия Прикамья связана с влиянием православия. Знамениты иконы строгановского письма и всемирно известна пермская деревянная скульптура – пермские боги. Открыты они были в 1922 г. в селе Ильинском музейным работником Н. Серебрянниковым. По знакомой дороге он возвращался домой и поравнялся с кладбищем, ветер хлопнул ставнями заброшенной часовни. Н. Серебрянников успел увидеть в глубине часовни в отблеске света Луны странное выражение лица, которое исказило страдание. Страдание и муки выражали движения рук, положение и пропорции тела. Художественная выразительность образа делает скульптуру уникальной. Коллекция пермской деревянной скульптуры с успехом экспонируется даже за рубежом.

Православие пришло в Прикамье в XV-XVI вв. с русскими, ислам был занесен татарами и башкирами, на севере большую роль сыграли старообрядцы. Это определило такие черты регионального характера, как стремление к образованию, отшельничество и уединение. Закреплению трудолюбия как отличительной черты социума способствовало широкое распространение старообрядчества. Общины старообрядцев, которых было много на севере Прикамья, где они скрывались в лесах, активно проповедовали идеал трудовой жизни.

Со старообрядчеством связано появление на пермской земле «уральского Афона» – Белогорского монастыря. В советское время монастырь был осквернен, расстрелян архимандрит Варлаам, многие монахи после зверских пыток были убиты, и до сих пор их могилы пребывают в неизвестности. С восстановлением религиозных святынь и Белогорского монастыря возрождаются и традиции религиозно-трудового братства, в котором на практике реализуются трудовые идеалы пермяков. Как видим, такие черты характера, как смекалка, видение прекрасного, любопытство пришли пермякам из далекой древности.

Процесс формирования многонационального населения Прикамья шел в течение многих веков, в нем принимали участие различные этносы. Многие из них не дошли до нашего времени, ассимилировавшись в среде более крупных этнических образований, другие возникают, живут и развиваются в настоящий момент. Неизвестна судьба «чуди белоглазой», которую русские встретили, придя на пермскую землю, практически исчезла некогда многочисленная еврейская диаспора, за последний межпереписной период более чем вдвое сократилась численность немцев в Прикамье. Зато по данным переписи 1989 г. в крае появился такой «коренной» народ как алеуты, а перепись 2002 г. уже обогатила этническую палитру края толкиенистами, уральцами, казаками...

Проявлением исторического сближения вплоть до ассимиляции может служить окультуривание коми-пермяков. Этническое сближение коми-пермяков и русских шло по разным направлениям: территориальное, хозяйственное, политико-правовое, обрядово-культурное, языковое, духовное и т. д. [14]. Смешение народностей привело к закреплению таких черт характера как оригинальность, интерес к чужой мудрости, терпимость к разным народностям. В Пермской области вы не найдете примеров национальной вражды, пермяк привык уважать своих соседей, не стесняется перенимать полезные навыки других народов.

Влияние пространственных и временных факторов выходит далеко за пределы физического облика пермяков, создавая и неповторимый склад души. Казаки во главе с Ермаком остановились перед Уральским хребтом с неммым вопросом: как пройти дальше? Затем отправили разведчиков искать проход, разбили лагерь и стали ждать. В данном случае сказались свойства местного ландшафта. Древнее название северного пермского леса, чаще всего заболоченного [1] и состоящего из темнохвойных пород – парма [15,16] и Парма заставляла людей быть очень осмотрительными и рациональными. При этом в данном случае абсолютно не важно, сколько длилась разведка, как оставшиеся казаки коротали время и пр. Важно то, что активное освоение пермских земель началось с ожидания. Долгое время пионеры, переселившиеся сюда, жили промыслом пушнины да грабежами других промысловиков. И в том, и в другом случае половина успеха зависела от умения ждать, поэтому умение это культивировалось. С тех пор многое изменилось, но навык ожидания в пермяках остался. Более того, ожидание, как процесс, накрепко срослось с биологическими изменениями организма и стало для каждого пермяка такой же неотъемлемой частью, как собственное кровообращение. Не исключено, что эта черта – результат воздействия пассионарного толчка, имевшего место в регионе в XVI в.

Эта особенность сказывается в том, что житель Прикамья, в отличие от других аборигенов России, основательно медлителен. Он очень терпим к опозданиям, для объяснения которых, надо отметить, здесь идеальные климатические «отмазки»: слякоть осенью и весной, непроходимые сугробы зимой и рекоподобные разливы в дождливое лето. Ко всему прочему уже в сегодняшние дни добавляются (и по тем же причинам) вечные проблемы с транспортом. Вообще ожидание и опоздание – понятия одной плоскости. Так, с поправкой на них и пульсирует жизнь в Пермской области.

Это бытовой аспект, но есть еще и метафизический. Любое ожидание – это признание своей полной зависимости от времени, что, по сути, – еще одна форма язычества. И единственный Бог, которого пермяки чтят и которому действительно поклоняются, – Хронос. Все остальное – «суета сует». Показательно в этом отношении замечание немки, которая достаточно долго прожила в Питере, чтобы не спутать эту пермскую особенность с общенациональной: «Из-за каких-то проблем люди начинают дергаться, волноваться, пытаться их разрешить, а пермяк махнет на нее рукой и скажет, что она со временем сама рассосется». Большой преданности верующего своему идеалу, пожалуй, не встречается нигде. Трудно подобрать более исчерпывающее объяснение,

например, для динамики забастовочного движения среди учителей Прикамья (рис. 1) [17].

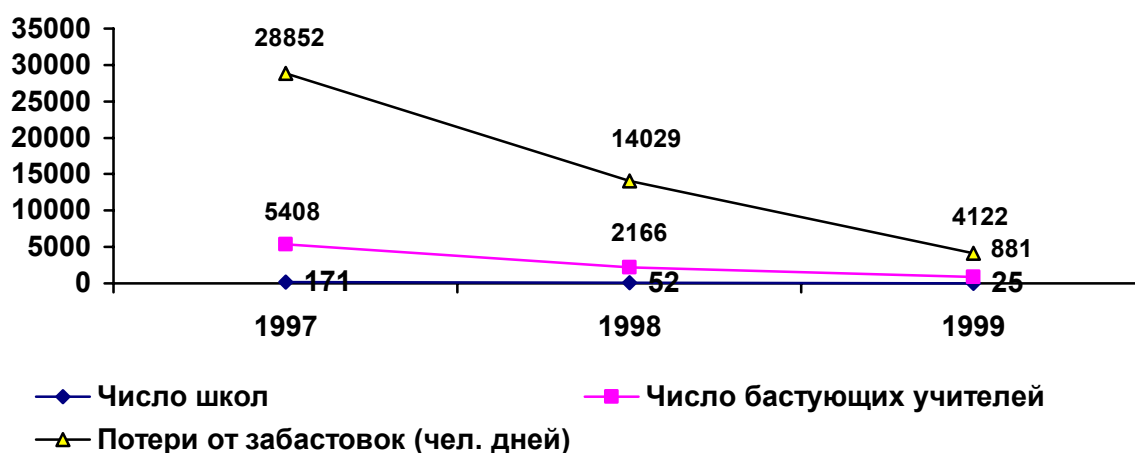

Рис. 1. Динамика забастовочного движения в школах Прикамья

Таков пермский житель сквозь призму времени: медлителен, очень терпелив, высокомерен к чужакам, с непомерно развитым чувством собственного достоинства, с собственным уникальным ощущением времени, согласно которому пульсирует весь организм.

Предложенная Декартом трехмерная модель мира в Пермской области необъяснимо деформирована, что предполагает ее некоторую отчужденность и закрытость от оставшегося отсталого мира. Действительно, вакуум должен иметь границы, в данном случае – это границы области. Вот отрывок из докладной записки первому президенту России члена его имиджмейкерской команды Л. В. Смирнягина: «...Это, прежде всего, весьма заметная изолированность края. Она сказывается даже сейчас, еще десяток лет назад единственный автомобильный путь из области в Москву или Поволжье лежал через Свердловск, так как пресловутый Казанский тракт, ведущий через Ижевск на Казань, был совершенно заброшен и местами превращался в тропинку. Пресекающие область железные дороги ведут к северным окраинам Центральной России и вообще область оказывается на северном краю российской ойкумены».

Окраинность и северность сказываются на многих сторонах пермской жизни как современной, так и прошлой, они пронизывают менталитет жителей, диктуют правила общественных отношений, придают всей местной жизни какую-то фатальную раздвоенность. Ведь по мощи хозяйственного потенциала, да и просто по числу жителей область нельзя отнести к приполярным «изоляторам»... Нет, Пермская область выглядит вполне освоенным, добротным российским краем. Лишь самая северная ее часть – это настоящая глухомань, лесная чащоба, где жизнь приурочена даже не просто к очагам, а к лагерям с уголовниками, осужденными на лесоповал. Так что традиционное ощущение изоляции, оторванность от основного ареала русской ойкумены – это факт социальной психологии» [18].

Факт пермской замкнутости подтверждает и журнал «Эксперт», назвавший Пермскую область «...самым закрытым для журналистов регионом» [19]. И это при том, что областная пресса достаточно хорошо развита и находится на весьма высоком, даже по сравнению с соседями, уровне.

В изоляции свои, особые представления о физических законах, в частности о пространственно-временных параметрах действительности. У пермяков пространство

неизменно замыкается на человеке, оно лишено смысла без его присутствия. Пространство – это не некая данность, а уже интерпретированная и приспособленная для нужд пермяка материя. Отношение к пространству хорошо иллюстрируют пермские фразеологизмы, в которых все действие неизменно замкнуто на героя с помощью местоимений «себя», «своим»: «Прежде, чем критиковать других, оглянись сам на себя!», «Жить своим домом» (в значении – жить отдельно от родителей, иметь собственное хозяйство), «Век свой» (в значении – всю жизнь), «Назад себя падать тоже плохо – голову можно разбить» и т. д.

Пространство не только на пермяке сосредоточено, но еще пермяком и приватизировано. Оно – его личная собственность. Пожалуй, ни в одном другом городе пассажир общественного транспорта с такой остревенелой готовностью и лающим хамством не отстаивают свои права на место, принадлежащее им по какому-то неведомому праву. Ругань здесь – обычное дело.

Таково пермское пространство. В его отражении, по мнению К. Духонина, пермский житель традиционно замкнут, резок в поведении, хамски эгоцентричен [20]. Замкнутость и изолированность, подкрепленные ощущением самодостаточности, служат мощным барьером, *препятствующим восприятию внешних инноваций*.

Немалую роль в формировании этих черт сыграло широкое распространение жизни «по понятиям». Область традиционно была и остается местом ссылки. В советское время на ее территории находилось много лагерей для политических и уголовных преступников. И сейчас на севере области есть лагерь, где содержатся уголовные заключенные. В 2000 г. на территории области находилось порядка 32 тыс. заключенных [21], которые в отличие от «царских» ссыльных представлены далеко не разночинцами и интеллигенцией. Так сейчас в РФ – 6 колоний, где сидят свыше тысячи бывших смертников, высшая мера наказания которым была заменена на пожизненное заключение. Одна из них – «Белый лебедь». Такое поэтическое название носит самая охраняемая колония Пермской области. На кровавом счету 150 клиентов «учреждения АМ-244/3-14» около 500 трупов. Пожалуй, самым известным «посетителем» этого учреждения был чеченский полевой командир Салман Радуев. Все это не могло не сказаться на поведении и образе жизни пермяков: В разговоре проскальзывает лагерный жаргон, широко распространены социальные патологии (наркомания, туберкулез, СПИД), выше уровень преступности.

И тем не менее Пермь остается одним из наиболее значимых культурных центров России. Пермский балет, театр юного зрителя, картинная галерея, краеведческий музей – это далеко не полный перечень достопримечательностей края. России известны имена изобретателя электросварки Славянова, выдающегося математика Фридмана, изобретателя радио Попова.

Свободолюбие пермяков – это не пустой миф. Оно находит свое выражение в повышенном индивидуализме жителей. Но трудно согласиться с мнением Л. В. Смирнягина, подчеркивающего резкую ослабленность в Перми русской общественной традиции ориентироваться на вождей, необычную для регионов многополюсность, патриархальность. По его мнению, в области огромную роль играют личные связи, родственность, особенно землячество. Да, землячество очень важно для пермяков, ... они под ветром жмутся друг к другу – равны, доступны, земляки и соседи. Родство не по крови, а по месту жительства. И это гарантирует понимание собеседником тонкостей местной культуры, которые нельзя заучить, чтобы соблюдать впоследствии» [18].

Своеобразие пермского менталитета в том, что он сформирован на этнографической базе коренного населения и под действием вынужденно переселенных людей из многих регионов страны, вобрав в себя основные черты общероссийского менталитета». Массовые выступления учителей в истории Прикамья уже были.

На менталитет пермяков большое влияние оказали климатические и природные условия, религиозные. Исторические и политические факторы. Менталитет пермяков – это неотъемлемая часть российской культуры.

Библиографический список

1. *Андрянов В. А.* Менталитет как одна из детерминант электорального поведения / В.А. Андрянов // <http://www.politics-e-realis.ru/politics/plso/expert/andrian/art-0.1.asp>.
2. *Семенов В. А.* Особенности русского менталитета и его влияние на развитие национальных отношений в России / В.А. Семенов // Национальная культура и языки народов Прикамья: возрождение и развитие: матер. межрегиональной науч.-практ. конф. Пермь, 1997.
3. *Лужков Ю. М.* Россия в XXI веке: процветание или прозябание? / Ю.М. Лужков // Вопросы экономики. 1998. №12.
4. *Русские.* М., Наука. 1999.
5. *Суций С. Я.* Очерки географии русской культуры / С.Я. Суций, А.Г. Дружинин. Ростов-на-Дону, 1994.
6. *Столбов В. А.* Менталитет жителей Прикамья как результат влияния природно-климатических историко-культурных факторов / В.А. Столбов // Экологические основы стабильного развития Прикамья. Пермь, 2000.
7. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* От Урала до Москвы / Д.Н. Мамин-Сибиряк. М. 1977.
8. *Лапоринская Т. Н.* Исторические условия формирования многонационального населения Пермской губернии / Т.Н. Лапоринская // Пермская губерния: история, политика, культура, современность. Кунгур., 1997
9. *Слепнева Т. А.* Экономика цветной металлургии СССР / Т.А. Слепнева, Н.Т. Глушков, А.Г. Шкурский. М., 1983.
10. *Платонов О.А.* Русский труд / О.А. Платонов. М., 1991.
11. *Рогачев С.* Жизнь в углу / С. Рогачев // География. 1992. № 2.
12. *Ключевский В.О.* Курс русской истории / В.О. Ключевский. М., 1995.
13. *Платонов О.А.* Указ. соч.
14. *Лапоринская Т. Н.* Исторические условия формирования многонационального населения Пермской губернии / Т.Н. Лапоринская // Пермская губерния: история, политика, культура, современность. Кунгур., 1997.
15. *Шкляев А. С.* Климат Пермской области / А.С. Шкляев, В.А. Балков. Пермь, 1963.
16. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. М., 1984.
17. *Пермская область в цифрах.* Пермь, 2000.
18. *Смирнягин Л. В.* Пермская область / Л.В. Смирнягин // География. 1996. №43. С.4-5.
19. *Общероссийский инвестиционный фонд // Эксперт.* 2002. №45.
20. *Духонин К.* Гадание по менталитету / К. Духонин // Новый компаньон. 2000. №10. С.9.
21. *Отчет* пресс-службы Главного управления исполнения наказаний Пермской области. 2000.